
Злата Романова
Академия
Равновесия

Злата Романова

Академия Равновесия

https://litres.ru/74744992
SelfPub; 2026

Аннотация

Мира Левина умерла в девятнадцать, не успев ни влюбиться, ни понять, чего хочет от жизни. Очнувшись, она узнаёт, что попала в Академию Равновесия, школу, где учатся будущие ангелы и демоны. У неё есть год, чтобы выбрать сторону. Для обеих сторон она всего лишь «пыль на мраморе».

Академия Равновесия

Глава 1. Начало

Первое, что я почувствовала, был холод. Не тот, от которого хочется надеть свитер, а такой, будто холод жил внутри меня и теперь выбирался наружу.

Второе — тишина. Идеальная, как в пустой церкви.

Я открыла глаза. Надо мной был потолок, расписанный созвездиями, которые медленно двигались. Нормальные люди, приходя в себя, видят белые больничные плиты. Значит, я не в больнице.

— Она очнулась, — произнёс чей-то голос слева.

Я повернула голову. У окна стоял мужчина в сером, с лицом настолько спокойным, что хотелось проверить, дышит ли он.

— Где я? — голос прозвучал хрипло. — Я попала в аварию, я помню автобус, помню...

— Вы умерли, Мира Левина, — сказал он так мягко, будто сообщал, что мой заказ задерживается. — Вчера, в 17:42. Мои соболезнования.

Я рассмеялась. Это вышло само: нервно, некрасиво.

— Отлично. А я как раз собиралась на экзамен.

— Экзамен у вас теперь другой, — он протянул мне чёрный конверт с серебряной печатью. — Добро пожаловать в Академию Равновесия.

В коридоре, куда меня вывели, пахло дождём и горячим

воском. А потом я увидела его.

Он стоял у лестницы, окружённый свитой, но я заметила его первым: высокий, тёмноволосый, в чёрной форме без единой складки. Глаза были цвета остывшего пепла. Он скользнул по мне взглядом, как по пятну на стекле.

— Это и есть наша «гостья»? — лениво спросил он, не поворачивая головы к спутникам. — Человек. Я думал, их давно не присылают.

— Люциан, — тихо одёрнул кто-то.

— Что? — он наконец посмотрел на меня прямо. — Я лишь констатирую. Пыль не должна лежать на мраморе.

Внутри всё сжалось от ярости. Я только что умерла, у меня ничего не осталось, и вот этот тип...

— Знаешь, — сказала я, — для пыли я неплохо тебя достала. Ты уже минуту на меня смотришь.

Тишина в коридоре стала звонкой. Кто-то ахнул. Уголок его губ дрогнул, не улыбка, а что-то опасное.

— Запомни это мгновение, человек, — тихо сказал сын Дьявола. — Оно было последним, когда тебе сошло с рук.

Он ушёл, а я стояла и думала, что, кажется, только что нажила себе врага на весь следующий год.

Я ещё не знала, что это будет самый долгий год в моей загробной жизни.

Глава 2. Правила для пыли

Мужчину в сером звали Аэлий Вейл, он служил Хранителем Порога и объяснял всё так, будто зачитывал инструкцию

к микроволновке.

— Правило первое: убить вас здесь нельзя, вы уже мертвы. Правило второе: уничтожить вашу душу тоже нельзя, это запрещено Договором. Правило третье: всё остальное можно.

— Обнадёживает, — сказала я.

— Мы стараемся.

Мы шли по галерее, и я старалась не глазеть, но получалось плохо. Академия оказалась огромной, как город, который кто-то аккуратно разрезал пополам. Слева тянулось Западное крыло из белого камня, с арками и колоннами, в которых дышал тёплый золотой свет. Справа поднималось Восточное, чёрное, с острыми шпилями и окнами, затянутыми тлеющим багровым. А между ними лежал Атриум: круглая площадь с часами без стрелок, под которыми стояла тишина, как перед грозой.

— Это нейтральная зона, — пояснил Вейл. — Здесь вы будете жить. Ни свету, ни тьме она не принадлежит. Как и вы, пока не решите.

— У меня есть год, да?

— Один учебный год. В последнюю ночь лета вы сделаете Выбор. До того вы обязаны учиться, наблюдать и, желательно, дожить до экзаменов.

— Вы же сказали, меня нельзя убить.

— Я сказал, что это нельзя. Я не говорил, что этого не пытаются сделать.

Он открыл передо мной дверь круглой комнаты в башне

и ушёл раньше, чем я придумала достойный ответ.

Комната была красивая, и это почему-то раздражало. Кровать с тёмно-синим балдахином, стол, камин, в котором горел огонь без дров, и окно, за которым стоял бесконечный закат. Я села на подоконник и впервые за этот день позволила себе подумать: «Я умерла».

Не «меня сбил автобус». Не «я опоздала на экзамен». Просто: я умерла, и мама сейчас, наверное, сидит на кухне и смотрит на мой телефон, который никто не возьмёт.

Горло сдавило. Я упёрлась лбом в холодное стекло и очень старалась не разреветься.

— Ты же не плачешь, да? — спросили у меня за спиной. — Потому что я тоже сейчас заплачу, а у меня тушь настоящая, не заколдованная.

Я обернулась. В дверях стояла девушка с копной рыжих волос, в белой форме, и за её спиной тихо шевелились крылья цвета раннего рассвета: розовые у основания и золотые на кончиках.

— Нериэль, — выпалила она и тут же шагнула ко мне. — Я твоя соседка. Мне сто сорок лет, но по нашим меркам я ещё ребёнок, так что не пугайся. Ты Мира, я знаю, об этом уже весь корпус шепчется. Ты правда человек? Настоящий? Можно потрогать?

— Нельзя, — сказала я, но улыбнулась. Против воли.

Нериэль плюхнулась на мою кровать и за десять минут рассказала мне больше, чем Вейл за час. Академия делится

на три Дома: Свет, Тьма и «Пустые», те, кто ещё не выбрал и бродит между. Раз в неделю в Атриуме проходят «сверки», на которых студенты демонстрируют силу. Преподаватели делятся на тех, кто тебя ненавидит открыто, и тех, кто делает это вежливо.

— А Люциан? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

Крылья Нериэль дёрнулись.

— Ты уже встретила Люциана Морна?

— Он назвал меня пылью.

— Ох. — Она прижала ладонь ко рту. — Мира, послушай. Он сын самого Дьявола. Лучший на курсе, лучший вообще, у него в семнадцать лет была своя печать. Его все боятся, даже наши. Он ни разу никому не проиграл и ни разу ни с кем не говорил дольше минуты, если этот кто-то не был ему нужен. Просто держись от него подальше. Пожалуйста.

— Подальше от него, — повторила я. — Хорошо. Это, наверное, будет несложно.

Как же я ошибалась.

Утром меня разбудил колокол, от которого задрожали стёкла. Форма лежала на стуле: серая, без цвета, без герба. Нейтральная, как всё вокруг меня.

Аудитория «Теории Равновесия» напоминала амфитеатр. Левая половина зала сияла белым и золотым, правая тону-

ла в чёрном и алом. Посередине оставался узкий проход, и именно по нему мне пришлось идти под сотнями взглядов. Я чувствовала их кожей: любопытные, брезгливые, голодные.

На последнем ряду тёмной стороны сидел он. Откинувшись на спинку, лениво вертя в пальцах чёрное перо, Люциан даже не смотрел на меня. Это было хуже, чем если бы смотрел.

— Мисс Левина, — произнесла преподавательница, и в зале стало тихо. Её звали госпожа Морвейн, высокая демоница в тёмно-вишнёвом платье, с улыбкой, от которой хотелось проверить карманы. — Добро пожаловать. Вы удостоены чести открыть наш курс. Подойдите, пожалуйста.

Я подошла.

— Любое существо в этих стенах способно вызвать искру, — мягко продолжила она. — Ангелы призывают свет, демоны тьму. Покажите нам, чем одарены люди.

Она произнесла это с таким видом, будто знала ответ.

Я подняла руку, как при показе фокуса. Сосредоточилась. Попыталась вспомнить, что чувствуют люди в кино, когда у них открываются сверхспособности. Ничего. Тишина и вежливое ожидание.

Первым засмеялся кто-то слева. Потом справа. Через минуту хохотал весь зал, и даже Нериэль, сидевшая в третьем ряду, смотрела на меня с таким сочувствием, что я предпочла бы насмешку.

— Какое разочарование, — вздохнула Морвейн. — Вы не

светитесь, не тлеете, не греете. Вы вообще ничем не пахнете.

— Ну, — сказала я громко, — зато и не воняю серой.

Смех оборвался. Кто-то из тёмных ахнул, кто-то из светлых прикрыл рот рукой. Морвейн улыбнулась ещё шире, и это было страшнее любого крика.

— Смелая реплика. Что ж, посмотрим, надолго ли хватит. — Она повернулась к залу. — По традиции Академии, человеку назначается Поручитель: тот, кто отвечает за его успехи, ошибки и, если потребуется, за повторную смерть. Обычно мы выбираем из нейтральных. Но на этот раз имеется особое пожелание.

Она взяла со стола свиток с чёрной печатью.

— Поручителем мисс Левиной на весь учебный год назначается Люциан Морн.

По залу прокатился шёпот. Перо в пальцах Люциана замерло.

— Это шутка, — сказал он ровно.

— Нет. Это распоряжение вашего отца.

Я увидела, как у него дёрнулась скула. Всего на мгновение, но я успела заметить: в глазах цвета пепла что-то вспыхнуло. Не злость, а нечто более глубокое и неприятное. Страх? Нет. Скорее бессилие того, кто привык, что мир подчиняется ему, а теперь вдруг не подчинился.

Он медленно поднялся и спустился по ступеням. Каждый его шаг отдавался в тишине. Остановился передо мной так близко, что я почувствовала запах дыма и холодного железа.

— Если ты думаешь, что это что-то значит, — сказал он очень тихо, — то ты глупее, чем выглядишь.

— Я пока ничего не думаю, — так же тихо ответила я. — Я только что узнала, что мой надзиратель считает меня пылью. Но спасибо, что предупредил, чтобы я не питала иллюзий.

Уголок его рта снова дрогнул.

— Весело, — произнёс он. — Посмотрим, как долго тебе будет весело.

— Мистер Морн, мисс Левина, — вмешалась Морвейн. — Раз уж вы так быстро нашли общий язык, продемонстрируйте нам первое парное упражнение.

Она поставила на стол между нами обычную свечу, тонкую, белую, ничем не примечательную.

— Зажгите её. Каждый прикасается пальцем. Ангелы светом, демоны тьмой. Для человека достаточно просто попытки. Мистер Морн, пожалуйста.

Люциан даже не взглянул на свечу. Дотронулся кончиком пальца, и фитиль вспыхнул чёрным пламенем, густым, как смоль, с серебристой каймой. Зал выдохнул.

— Мисс Левина.

Я чувствовала себя идиоткой. Дотронулась до фитиля, зная, что ничего не выйдет, и ожидая новой волны смеха.

И тут пламя дрогнуло.

Оно не погасло и не потухло. Чёрный огонь Люциана вдруг расслоился: одна половина осталась тёмной, другая стала светлой, чистой, золотисто-белой. Два пламени, сли-

тых в одно, горели на одной свече, и оба качнулись в мою сторону, как будто узнали.

Я отдёрнула руку. Огонь погас.

В зале стояла такая тишина, что я слышала собственное дыхание. Морвейн не улыбалась. Впервые за всё время её лицо потеряло выражение.

И только Люциан смотрел на меня. Не с презрением и не с насмешкой. Он смотрел так, будто я была загадкой, которую он ненавидел за то, что не мог разгадать.

— Что это было? — прошептала я.

— Не знаю, — ответил он так же тихо. — И, человек... если ты кому-нибудь скажешь, что видела это, я сам тебя найду.

Я хотела огрызнуться, но впервые не смогла. Потому что в его голосе, вместе с угрозой, прозвучало то, чего я меньше всего ожидала услышать.

Он был напуган.

Глава 3. Условия Поручителя

После урока меня никто не тронул. Это было странно: студенты расступались, как перед чумной, и шептались за спиной, но подойти не решался никто. Я шла по коридору, сжимая пальцы, которыми только что коснулась свечи, и всё ещё чувствовала на кончиках слабое покалывание, будто отсидела руку.

— Левина.

Я не успела обернуться. Меня схватили за локоть и втя-

нули в нишу за колонной, а потом дальше, в пустой внутренний дворик с давно высохшим фонтаном. Люциан отпустил меня только там и брезгливо отряхнул ладонь, словно коснулся чего-то липкого.

— Руки при себе держи, — буркнула я.

— Это моя фраза. — Он скрестил руки на груди. — Раз уж отец решил меня наказать, нам придётся договориться. Я назову условия, а ты кивнёшь.

— Я пока не поняла, где здесь договор.

— Условие первое, — продолжил он, будто не слышал. — Ты никому не говоришь о том, что произошло со свечой. Ни своей рыжей подружке, ни преподавателям, ни себе в зеркало.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

— Отличный аргумент. Для трёхлетнего.

У него дёрнулась бровь.

— Условие второе. Вне занятий ты ко мне не приближаешься. Не здороваешься, не ищешь взглядом, не просишь о помощи. Для всей Академии мы случайно оказались в одной упряжке, и ничего больше.

— Не волнуйся, твой запах серы я запомнила. Обойду по широкой дуге.

— Условие третье, — голос стал холоднее, — не позорь моё имя. Ты носишь на себе печать моего Поручительства. Любая твоя глупость ляжет на меня. Не смей ничего ломать,

ни с кем драться и не лезть туда, где тебя не просят.

Я помолчала, а потом улыбнулась как можно более милой улыбкой.

— Хорошо. А теперь мои условия.

Он моргнул. Видимо, никто никогда не отвечал на его условия условиями.

— Первое: ты не называешь меня «человек» или «пыль». У меня есть имя, оно звучит как «Мира». Выговаривается без труда.

— Второе: ты не лезешь в мою голову и не командуешь мной, пока я не нарушу правил. И третье...

Я сделала шаг ближе. Он не отступил, но я заметила, как напряглись его плечи.

— Третье: если тебе когда-нибудь будет страшно, как сегодня, ты не будешь делать вид, что это не так.

Тишина во дворике стала плотной, как вата.

— Мне не было страшно, — сказал он наконец.

— Конечно. Ты просто дрожал от восторга.

Он отвернулся. Я видела только его профиль: ровный нос, резкую линию подбородка, ресницы, слишком длинные для демона. И тут заметила, что левую руку он держит как-то неправильно, прижав к бедру. На указательном пальце, там, где он касался свечи, проступал тонкий золотой след. Не ожог. Скорее светящийся шрам, который медленно угасал.

— Люциан. Что с твоей рукой?

Он мгновенно спрятал её за спину.

— Ничего. Не твоё дело.

— Это от моего света, да? Но у меня нет света.

— У тебя нет ничего, — отрезал он, и в голосе скользнула злость, настоящая, острая. — Запомни это, человек. Ты пустое место. Ошибка. И чем быстрее ты это примешь, тем легче тебе будет выжить.

Он ушёл, не оглянувшись. А я осталась стоять в пустом дворике, и слово «ошибка» ещё долго звенело в ушах.

Может быть, он прав. Может быть, я и правда ошибка.

Но ведь ошибки не заставляют демонов бояться.

Столовая в Атриуме была единственным местом, где светлые и тёмные ели под одной крышей, хотя и за разными столами. Нериэль усадила меня на нейтральной полосе, у окна, и принялась наставлять:

— Это можно, это тоже можно, а вот это не трогай, оно кусается.

— Оно что?

— Кусается. Тёмные любят шутить.

Я как раз изучала подозрительное блюдо, похожее на жареные звёзды, когда услышала за спиной лёгкий смешок. Чья-то нога выскользнула в проход, и я, сделав шаг, зацепилась носком. Поднос взлетел, суп разлился по полу, а сама я полетела прямо в сторону каменных плит.

И не долетела. Меня подхватили чьи-то тёплые руки.

— Осторожнее, — произнёс мягкий голос. — Эти полы ужасно скользкие, особенно для тех, кто не привык.

Я подняла глаза. Передо мной стоял юноша лет двадцати на вид, светловолосый, в белой форме с золотой нитью. У него были добрые серые глаза и улыбка, от которой невозможно было злиться. Крылья, сложенные за спиной, мерцали, как иней на солнце.

— Рафаэль Дэй, — представился он и помог мне встать. — Старший курс, Дом Света. Не волнуйся, Кассиан просто так развлекается. Он проделывает это с каждым новеньким.

— Приятно знать, что я не исключение, — выдохнула я.

— Если захочешь, садись к нам. У нас никто не кусается. Обещаю.

Неожиданно для себя я улыбнулась ему в ответ. Первый человек, вернее, первое существо, которое встретило меня без брезгливости.

— Спасибо.

— Ой, какая трогательная сцена, — лениво протянули справа.

Кассиан Вейр, тот самый, что поставил подножку, оказался высоким, смуглым, с жёсткой чёрной чёлкой и усмешкой на тонких губах. Он поднялся из-за тёмного стола и неторопливо подошёл. Щёлкнул пальцами, и разлитый суп на полу взметнулся облаком чёрных мотыльков.

Они метнулись ко мне. Крошечные, шелестящие, с острыми, как иглы, лапками. Один впился в руку, второй в шею.

Больно не было, но от омерзения у меня подогнулись колени.

— Кассиан, хватит, — холодно сказал Рафаэль.

— А что такого? Проверяю гостью на прочность.

И тут щёлкнули ещё одни пальцы. Негромко, почти лениво. Мотыльки рассыпались в чёрную пыль и осели на пол, как пепел.

В столовой стало тихо.

Люциан стоял у входа. Он не смотрел ни на меня, ни на Рафаэля. Он смотрел только на Кассиана, и взгляд у него был такой, что тот чуть заметно отступил.

— Она моя Поручительница, — сказал Люциан негромко. — Моя забота. Моя ответственность. Унижать её имею право только я. Кто-то хочет оспорить?

Кассиан натянуто усмехнулся.

— Как скажешь, Морн. Просто шутка.

Он вернулся к своему столу. Люциан наконец посмотрел на меня, коротко, будто на предмет, который проверил на целостность, и развернулся к выходу.

— Подожди, — выпалила я и бросилась за ним. В коридоре догнала и преградила дорогу. — Ты что сейчас сказал?

— Что тебя сложно не заметить.

— «Унижать имею право только я»? Серьёзно? Это, по-твоему, защита?

— Это объявление границ. — Он смотрел сверху вниз, и в серых глазах мелькнуло раздражение. — Я не обязан объяснять тебе, как работает иерархия в Академии. Тебя трогать

нельзя, потому что ты принадлежишь мне. До конца года. Это даёт тебе иммунитет. Радуйся.

— Я не вещь.

— Нет, — сказал он. — Вещи ценнее.

Я влепила бы ему пощёчину, если бы не заметила кое-что: пока он говорил, правая рука сжималась в кулак так сильно, что побелели костяшки. Он злился. Но не на меня. На себя.

— Ты ведь не хотел вмешиваться, — тихо сказала я.

Его лицо окаменело.

— Не льсти себе.

Он ушёл. А я стояла с горящей шеей, на которой всё ещё чувствовался укус мотылька, и не могла понять: почему человек, который презирает меня, всё-таки пришёл?

Ночью я не спала. Нериэль мирно посапывала под балдахином, а я сидела на подоконнике и смотрела на Атриум. Часы без стрелок мерцали в темноте, Восточное крыло тлело красным, Западное светилось мягким золотом.

И вдруг я увидела его. На крыше чёрной башни стоял Люциан, один, без плаща, и за его спиной слабо дрожали две тени, похожие на крылья. Он смотрел на свою левую руку, над которой теплился тонкий золотой свет. Потом сжал кулак, и свет погас.

Я невольно отпрянула от окна, и в этот момент под дверью что-то зашуршало.

Конверт. Серый, без печати, без подписи. Внутри лежала узкая полоска бумаги, и почерк был острый, торопливый:

«Тебя не случайно привели сюда. Узнай, кто подписал твой пропуск. И не верь тому, кто говорит, что ты никто».

Я перечитала записку трижды. Сердце колотилось где-то в горле. Выглянула в коридор, но он был пуст, лишь на каменном полу медленно таяли следы чьих-то шагов.

Вернувшись, я посмотрела на запястье. Там, где утром ничего не было, проступил тонкий серебряный узор, похожий на росчерк пера. Он слабо светился и, казалось, дышал.

Я накрыла его ладонью. И впервые с момента смерти мне стало по-настоящему страшно.

Глава 4. Архив Душ

Утром я первым делом спрятала запястье под лентой, которую одолжила у Нериэль. Узор не болел и не жёг, но стоило на него взглянуть, как он начинал слабо пульсировать, будто у него было своё сердце.

— Красивая лента, — зевнула Нериэль, натягивая форму. — Ты чего такая бледная?

— Плохо спала. Слушай, а если мне нужно узнать, как я сюда попала, кто это знает?

Нериэль замерла с одним рукавом на весу.

— Зачем тебе?

— Просто любопытно. Я ведь не просила умирать.

Она посмотрела на меня чуть дольше, чем следовало, и я поняла, что она что-то уловила. Но подруга лишь вздохнула:

— Записи о новоприбывших хранятся в Архиве Душ. Это в подвале Атриума, под часами. Но туда пускают только преподавателей и тех, кто с разрешением Поручителя.

Я мысленно застонала.

— Конечно. Как же иначе.

Чёрный конверт, который мне вручили в первый день, я хранила под подушкой. Теперь развернула его и долго разглядывала серебряную печать. Круг, внутри которого сходились две дуги: одна светлая, другая тёмная, и между ними крошечная точка. Знак Равновесия. А под ним, едва различимо, три буквы: «С. Р. Д.».

Это и были инициалы того, кто подписал мой пропуск. Или чего-то. Кого-то.

Дверь в Архив располагалась за часами без стрелок. Если встать на определённую плитку и повернуться лицом к стене, камень сдвигался, открывая узкую лестницу. Я выяснила это просто: подслушала у столовой двух первокурсников, спорящих о том, как достать «запретные свитки».

У входа стоял стражник: каменная статуя с пустыми глазницами. Стоило мне ступить на лестницу, как он повернул голову.

— Пропуск, — проскрежетал он.

— Я... новенькая. Мне нужно кое-что посмотреть.

— Пропуск или подпись Поручителя.

— Конечно, — пробормотала я. — А как иначе.

— И что за сокровище ты тут надеешься найти, человек?

Я узнала этот голос, не оборачиваясь. Люциан стоял на верхней ступеньке, засунув руки в карманы, с видом человека, который случайно проходил мимо. Я готова была поклясться, что он шёл следом.

— Ты меня преследуешь?

— Я слежу за тем, чтобы моя подопечная не нарушала моих условий, — отрезал он. — Помнишь? «Не лезть туда, где тебя не просят».

— Я помню и твоё второе условие: не приближаться к тебе вне занятий. А ты вот, пожалуйста, сам тут.

Он запнулся. Всего на долю секунды, но я успела порадоваться.

— Мне нужна подпись, — сказала я, меняя тактику. — Одна. И я не скажу никому ни слова про свечу, про твою руку и про то, как ты любишь прятаться на крыше.

Его глаза сузились.

— Ты следила за мной?

— Я смотрела в окно. Совпадение.

Несколько секунд он молчал. Я уже почти развернулась, но тут лента на запястье сползла, и серебряный узор вспыхнул в полумраке тонким светом.

Люциан замер. Его взгляд приклеился к моей руке.

— Откуда у тебя это?

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет. — Он ответил слишком быстро. — Но я видел похожий знак. На печати отца.

У меня внутри всё похолодело.

— На печати твоего отца?

— Не совсем такой. Похожий. — Он сжал челюсти, посмотрел на каменного стража, потом на меня. И, будто сделав над собой усилие, шагнул к статуе и прижал ладонь к её груди. — Поручитель Люциан Морн сопровождает подопечную. Отвечаю лично.

Статуя замерла, а потом отступила в сторону.

— Не смей радоваться, — процедил он, проходя мимо. — Я делаю это только потому, что хочу знать правду. Не ради тебя.

— Конечно, — улыбнулась я. — Ради себя. Я так и поняла.

Архив Душ оказался огромным круглым залом, потолок которого терялся в темноте. Вдоль стен вздымались бесконечные стеллажи, а на них не книги, а стеклянные шары, в каждом из которых медленно переливалась бледная искра. Тысячи, десятки тысяч искр, как застывшие звёзды.

— Это души? — прошептала я.

— Копии. Слепки. Каждая запись о том, кто когда-либо прошёл через Академию, — ответил Люциан. — Настоящие души не хранятся. Здесь только следы.

Он шёл между стеллажами уверенно, будто бывал здесь прежде. Я пробиралась следом, стараясь не касаться шаров. Наконец он остановился перед нишей с табличкой «Л».

— Левина, — прочёл он вслух и протянул руку. Шар поднялся с полки и повис в воздухе, мерцая бледным светом. — Говори.

— Что говорить?

— Своё имя и дату смерти. Он откроется только тебе.

— Мира Левина, — произнесла я, чувствуя себя идиоткой. — Девятнадцать лет. Умерла вчера. То есть... в день, когда приехала.

Шар раскрылся, как цветок. Над ним возникла полупрозрачная страница, исписанная мелким почерком.

«Левина Мира Андреевна. Дата кончины: 17:42. Причина: несчастный случай (автобус). Передана Академии по распоряжению Совета Равновесия».

— Совет, — тихо повторил Люциан. — Совет не решает судьбу случайных душ. Это значит...

— Что?

— Что тебя выбрали заранее.

Он ткнул пальцем в нижнюю строку, где стояла дата подписания распоряжения. Я перечитала её дважды.

— Здесь написано, что оно подписано за три дня до моей смерти.

Мы одновременно подняли глаза друг на друга. Воздух в зале стал вязким.

— Мира, — произнёс он, и я не сразу поняла, что он впервые назвал меня по имени. — Ты понимаешь, что это значит?

— Что я умерла не случайно, — выдохнула я. — Что кто-то решил это заранее.

Под датой были две подписи. Одна выведена золотом, другая чёрными чернилами, и обе принадлежали разным рукам. Но обе заканчивались одинаковыми тремя буквами: «С. Р. Д.».

— Свет и Тьма, — проговорил Люциан медленно. — Они подписали вместе. Обе стороны.

— Но ведь они же враги.

— Враги. — Он провёл рукой по лицу. Впервые я увидела, как у него дрожат пальцы. — Именно поэтому это невозможно. Они бы никогда ни о чём не договорились.

И тут запись дрогнула и стала исчезать. Буквы тускнели одна за другой, пока шар не потух и не вернулся на полку, будто ничего не было.

— Нет, — сказала я. — Нет, подожди...

Сверху раздался глухой удар. Потом ещё один, и по ступеням застучали тяжёлые шаги.

— Хранитель, — прошипел Люциан, схватил меня за руку и потянул в узкий проход между стеллажами. Мы втиснулись в нишу, где едва хватало места для двоих. Он прижал меня спиной к стене и сам встал вплотную, закрывая собой выход.

Я чувствовала его дыхание на своей щеке. Чувствовала, как бьётся его сердце, неровно, быстро, совсем не так, как

должно биться у холодного, безупречного сына Дьявола. Его ладонь лежала на стене у моей головы, а взгляд был направлен вниз, на лестницу, но я знала, что он тоже слышит, как колотится моё.

— Молчи, — выдохнул он почти беззвучно.

В зал вошёл Аэлий Вейл. Он шёл медленно, и его серый плащ шуршал по плитам. Рядом с ним двигалась вторая тень, чужая, высокая, закутанная в чёрное.

— Она была в Архиве, — произнёс Вейл ровным голосом. — Её имя только что подняли из каталога.

— Значит, она начала искать, — ответил его спутник. Голос был глухой, незнакомый, будто говорил кто-то, чьё лицо давно перестало быть лицом. — Слишком рано.

— Она ничего не узнает до весны. Я прослежу.

— Ты не понимаешь, Вейл. Если узнает до весны, Равновесие...

Голос оборвался. Спутник остановился, медленно повернув голову в нашу сторону.

Люциан сильнее прижал меня к стене, и между нами не осталось ни дюйма. Мои пальцы вцепились в его рубашку. Я не знала, чей это был страх: его или мой.

На запястье, под лентой, узор вспыхнул ярче.

И в тот же миг, где-то в глубине Архива, один из шаров начал тихо звенеть.

Глава 5. Тень, которая защищает

Люциан

Я никогда не прятался. Ни от учителей, ни от врагов, ни от отца. Прятаться значило признать, что кто-то сильнее, а в моём роду такого не прощали.

И вот я стоял, вжавшись в стену Архива, и закрывал собой человеческую девчонку, которая вцепилась в мою рубашку так, словно я был последним, что у неё осталось.

Она пахла дождём. Это раздражало больше всего. В Академии все пахли чем-то определённым: ангелы воском и ладаном, демоны дымом и железом. А она пахла так, как пахнут улицы после грозы, и этот запах лез в голову, мешая думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.